

З.М. Басиева

Обострение восточного вопроса в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. и некоторые его последствия на Западном Кавказе

З.М. Басиева*

Давно назревавший конфликт между турецким султаном Махмудом II и его вассалом, местником Египта Мухаммедом Али, в 1839 г. вылился в очередной турецко-египетский военно-политический кризис и вызвал обострение восточного вопроса. В Турецкой империи в конце 30-х гг. XIX в. произошли события, последствия которых в дальнейшем обернулись и для России невероятными потерями. Начиная с этого времени, фортуна навсегда отвернулась от внешнеполитического курса Николая I. Обстоятельства сложились уже не в пользу Российской империи, как это было в начале 30-х гг. Теперь две ведущие европейские державы – Англия и Франция – не упустили своего шанса и смогли извлечь для себя максимальные выгоды из кризисной ситуации конца 30-х – нач. 40-х гг. XIX в., взяв тем самым реванш за заключенный в 1833 г. Россией выгодный для нее двусторонний договор с Турцией.

Еще в марте 1839 г. А.П. Бутенев в своем отношении к Е.А. Головину подробно сообщал о тяжелой политической ситуации в Турции. Докладывая об обострении «неискоренимой ненависти между Портой и пашою Египетским», он также выразил опасения относительно того, «чтобы ненависть сия не обратилась в явный разрыв и войну между обеими сторонами» [1, 459]. Как опытный политик, А.П. Бутенев предвидел, что война между Турцией и Египтом будет иметь необратимые последствия и сможет «поколебать сохранение общего мира Востока и даже Европы» [3, 459].

Опасения А.П. Бутенева в скором времени подтвердились. О происходящих в 1839 г. событиях в Турции¹ французский государственный деятель и историк Гизо писал: «В течение трех недель Турция лишилась своего султана, своей армии и своего флота» [5, 43].

После разгрома турецкой армии под Низибом (Северная Сирия) на повестку дня вышли две большие международные проблемы: отношения между Портой и Мухаммедом Али и позиции пятерки держав (Англии, России, Франции, Пруссии и Австрии) на Ближнем Востоке. Внешне вторая проблема выглядела как вопрос о взаимоотношениях между Турцией и великими державами. На деле же суть ее заключалась в стремлении западных держав, воспользовавшись обстановкой, созданной турецко-египетским конфликтом, аннулировать ненавистный им Ункяр-Искелесийский договор (1833 г.) и тем самым лишить Россию всех ее преимуществ по этому договору.

События в Турции 1839 г. привели к углублению ближневосточного кризиса. Противостояние ведущих держав Европы настолько обострилось, что стали поговаривать о возможной европейской войне. Но на тот момент ни одна из них по разным причинам не хотела развития событий в таком русле.

Правительства трех держав (Англии, Франции и Пруссии) настаивали на срочном созыве конференции пяти держав в надежде, что им удастся, наконец, под предлогом желания покончить с турецко-египетским конфликтом, ли-

* Басиева З.М. – н. с. отдела истории СОИГСИ.

¹ События в Турции и Египте в 1839 г. развивались следующим образом. После тяжелой и продолжительной болезни 1 июля 1839 г. в возрасте 54 лет скончался турецкий султан Махмуд II, и на престол вступил его сын Абдул-Меджид, едва достигший 16-летнего возраста. Время правления Абдул-Меджида продлилось вплоть до 1861 г. Буквально через несколько дней после смерти султана 24 июня 1839 г., после продолжительного сопротивления войскам египетского паша, была разгромлена турецкая армия под Низибом. Но и это было не последней трагедией, постигшей Турцию в 1839 году. Вскоре после разгрома армии совершенно неожиданно калудан-паша Февзи Ахмед-паша увел турецкий флот и сдал его египетскому паше Мухаммеду Али.

шить Россию ее преимуществ как единственного «опекуна» Турции и получить уже коллективную возможность ее «опеки».

России пришлось стать вынужденной участницей конференции. Согласившись же подписать коллективную ноту от 27 июля 1839 г., Россия была вынуждена изменить курс своей внешней политики и принять принцип коллективной гарантии. Николай I питал несбыточные надежды разделить в будущем Османскую империю с Великобританией и пошел на невозможные для империи уступки. Это было огромным просчетом в его внешнеполитическом курсе, плоды которого России пришлось ощутить в недалеком будущем.

Порте была направлена коллективная нота, в которой говорилось, «что достигнуто согласие между пятью державами по Восточному вопросу» [6, 48]. Для слабой Османской империи данная нота означала прямое вмешательство держав во внутренние процессы. Турция, избравшая своим главным покровителем в борьбе с Египтом Англию, в результате ее «дружеской помощи» оказалась от нее в еще большей зависимости, чем раньше.

Итоги конференции стали крупнейшей дипломатической победой западных держав и в особенности Англии, которая не смирилась с условиями Ункяр-Искелесийского договора. Английский посол Понсонби¹, подписывая ноту от 27 июля, не сдержал своей радости по этому поводу и воскликнул: «Теперь мы, наконец, на правильном пути!» [7, 48].

После этого в Лондоне 3 (15) июля 1840 г. была подписана 1-я конвенция по египетскому вопросу между Англией, Россией, Пруссией, Австрией и Турцией, но без участия Франции. Согласно Лондонской конвенции 1840 г. стороны соглашались на оказание коллективной помощи Турции в случае новой угрозы со стороны египетского паши Мухаммеда Али.

Кроме этого, Николай I пошел и на другие уступки, согласившись на коллективный договор о закрытии проливов для военных судов всех держав, в том числе России [8, 210]. Это означало полное уравнивание российских позиций с позициями иностранных держав в отношении черноморских проливов Босфор и Дарданеллы.

Россия также была вынуждена на один год раньше отказаться от Ункяр-Искелесийского до-

говора. Новое положение о черноморских проливах было юридически оформлено 2-й Лондонской конвенцией 1 (13) июля 1841 г. по делам Востока, и теперь уже с участием Франции.

Договор 1841 г. о проливах, по справедливой оценке К. Маркса, «был первоначально задуман...Францией и Англией против России...» [9, 211]. Несмотря на то, что Франция осталась крайне недовольной экспансией Англии «в Сирию, Египет и Ливан, в дальнейшем она выступила совместно с Англией» [10, 192].

Таким образом, с начала 40-х гг. XIX в. Англия значительно усилила свои позиции на Востоке. Это в свою очередь приводило к обострению противоречий в регионе между Англией и Францией по поводу их колониальных интересов, а также к сближению Англии и России. Между тем, в скором времени Николай I осознал, что допустил непоправимую ошибку.

Турецко-египетский конфликт 1839 – 1840-х гг. закончился безусловным триумфом британской экспансионистской политики. С этого времени Англия уже надолго и основательно закрепила в Константинополе. Усиление влияния Англии в Турции произошло, конечно, за счет утраты Россией своих позиций. Известный русский историк С.С. Татищев писал об этом, что «там она выиграла в этом отношении все, что потеряла Россия» [11, 558].

Таким образом, Лондонскими конвенциями 1840 и 1841 г. был нанесен ощутимый удар по могуществу Российской империи, которая со времени подписания конвенции 1841 г. и до Первой мировой войны больше не имела права проводить свои военные корабли через проливы. Военно-морской флот России оказался буквально запертым в пределах Черного моря, и только в 1915 г. проблема проливов была разрешена в пользу России.

К сожалению, в начале 40-х гг. XIX в. Россия понесла не только невозможные дипломатические и политические потери, но в самый разгар разрешения турецко-египетского конфликта обострилось положение дел и на Западном Кавказе. На Черноморском побережье разворачивались трагические события: один за другим черкесами были захвачены несколько российских фортов: 7 февраля – форт Лазарева, 27 февраля – форт Головинского, 29 февраля – укрепление Вельяминовское, 22 марта – Михайловское

¹ Понсонби (Ponsonby), Джон – английский дипломат, посол в Константинополе в 1832–1841 гг.

и 31 марта – укрепления Николаевское и св. Духа. Уже после взятия горцами первого укрепления на р. Псезупе к ним поспешно в качестве поощрения было доставлено из Константинополя «36 бочонков пороху и свинцу» [12, 192]; отправителем груза являлся английский агент капитан Белль, беспрепятственно покинувший осенью 1839 года Черкесию. Капитан Белль уже из Константинополя наблюдал за развитием событий на черкесском побережье и способствовал их обострению.

Черкесы, чувствуя свою силу и слабость России, стали проявлять большую решимость. В течение апреля за Кубанью в состоянии боевой готовности находилось от 35 до 40 тысяч убыхов, шапсугов, абадзехов и натухайцев. Горцы покинули свои дома и приняли трагическое для себя решение не производить весенних посевных работ. Это решение и стало основной причиной, по которой горные адыги погрузились в ближайшие осень и зиму в голод и нищету. Черкесы приняли также решение «не расходиться до взятия... всех фортов береговой линии и укреплений», которое закрепили «общей клятвой» [13, 252]. В продолжение двух месяцев горцы штурмовали изнуренные русские укрепления.

Трагические события весны 1840 г. на черкесском берегу окончились потерей четырех укреплений и многочисленными человеческими жертвами как с одной, так и с другой стороны. При попытке совершить открытое нападение на Абин 26 мая черкесы потерпели тяжелое поражение. После этого они прекратили свои наступления на укрепления.

На столь масштабное выступление горцев значительное влияние оказала подрывная деятельность английских агентов на Северо-Западном Кавказе. Перед ними с начала 30-х гг. XIX в. была поставлена конкретная задача – объединить силы разобщенных черкесских племен и использовать их собственные военные ресурсы для борьбы против России. Уже в начале 1840 г. многолетние усилия англичан, направленные на объединение сил черкесских племен, начали давать результаты.

Еще в конце 1836 г. командир Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами на Кавказе Г.В. Розен докладывал графу Чернышеву, что объединения черкесских племен «нельзя опасаться, покуда иностранцы не успеют убе-

дить их в необходимости прекратить все частные несогласия свои, дабы защищаться против нас общими силами» [14, 765]. А уже спустя 4 года после рапорта Г.В. Розена командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютант П.Х. Граббе докладывал тому же графу Чернышеву об абсолютно другом состоянии черкесского общества. «К несчастью, – писал П.Х. Граббе, – нашлись ... люди, которые умеют управлять этим народным восстанием, придать ему нужное единство и единодушие и направить частные усилия к одной общей и обширной цели» [15, 252].

Впервые военные, служившие на Кавказе, заговорили не о разрозненных скопищах горцев, стихийно налетавших на русские укрепления, а сообщали о «предварительных совещаниях», проводимых горцами, хорошо подготовленных и организованных общими силами нападениях. Ряды горцев приняли новый порядок и устройство. Каждое из племен имело отдельный опознавательный знак и составляло отдельную дружину, поделенную по аулам на сотни, пятидесятки и десятки, которым и руководили самые отважные и храбрые из горцев.

Кроме особого порядка в горской армии появилась и новая система раздела добычи, которую они продолжали распределять по аулам, однако захваченные снаряды, порох и орудия уже не раздавались, как раньше, а передавались в ведение самых почтенных старшин. Это новшество было связано с планами завести артиллерию; в этом деле поддерживали горцев и оказывали им помощь бежавшие из рядов русской армии на Кавказ поляки. В «заслуги» дезертировавших поляков входит введение в горскую тактику и приемов европейского военного искусства, в частности введение у горцев нового типа оружия: «длинный шест, к одному концу которого прикрепляется коса, чтобы колоть и рубить, а к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верки». Поляки также занимались проведением предварительных съемок атакуемых мест.

Заметно активизировало свои действия для усиления волнений среди горцев и «мухаммеданское духовенство...» [16, 252]. По Закубанью стали разъезжать мусульманские муллы, ссылающиеся на якобы существующую суру из Корана, предсказывающую горцам, «что 40-й год должен быть годом торжества мусульман и гибели неверных» [17, 252].

Таким образом, борьба горцев Северо-Западного Кавказа за сохранение своей независимости к началу 40-х гг. неожиданно для России достигает нового уровня.

Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, подробно изложивший графу Чернышеву в указанном ранее рапорте всю суть событий февраля–апреля 1840 г. в Закубанье, предупреждал командование, что действия горцев последних двух месяцев не были уже похожи на набеги прежних времен. Генерал Граббе, наблюдавший за их ходом, заметил у горцев «впервые ...признаки народности, единодушия восстания, порядок и устройство, ...повиновение избранным начальникам, новые средства, придуманные ими для борьбы с русскими ...» По мнению П.Х. Граббе, в Закубанье с началом согласованного соединения сил и их неудержимого «стремления к одной общей цели» «борьбы с русскими» начинается новая эпоха. Впервые по отношению к прежним «хищническим набегам» горцев русский генерал применил такой термин, как «война народная» [18, 253]. Такой новый, неожиданный поворот событий в Черкесии серьезно встревожил командующего войсками П.Х. Граббе. По его мнению, с началом в Закубанье народной войны сил только одного Кавказского корпуса, чтобы противостоять этой войне, было уже недостаточно. Свой основательный рапорт к Чернышеву он закончил прошением «исходатайствовать у Г.И. командирования на Линию из России одной пехотной дивизии» [19, 254].

Император внимательно прочитал донесение командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории. Наблюдения и тревожные мысли, изложенные Граббе в рапорте относительно того, что в Черкесии находились люди, которым удалось все же объединить горцев для борьбы с русскими, остались императором, к сожалению, не замеченными. Не встревожило Николая I и сообщение о начале новой эпохи противостояния горцев, охарактеризованной Граббе как война народная.

Внимание Николая I было акцентировано на другой причине, по которой происходило столь масштабное восстание горцев. Русский император оставался в полной уверенности, что соеди-

нение сил черкесских племен является прямым и предвиденным последствием исполняемого в течение шести лет плана по стеснению горцев. По его мнению, результаты этого плана проявились раньше, чем ожидалось, и «в большем виде», чем предполагалось. Однако, несмотря на все эти неожиданности, генералу Граббе было указано, что события на береговой линии и восстание горцев «не только не должно считать обстоятельством неблагоприятным, а напротив того, случаем самым удобным для одновременного уничтожения всех их надежд на сохранение своей независимости» [20, 255]. В связи с этим император полностью удовлетворил просьбу командующего усилить вверенные ему войска до такой степени, в которой они до последних событий никогда еще не находились.

Вместе с тем Николай I не разделил также мнения П.Х. Граббе, справедливо считавшего существовавшую систему небольших фортов и укреплений абсолютно бесполезной и малоэффективной. Он так и не признал их очевидную бесполезность и продолжал настаивать на том, что «взятие ... прибрежных фортов происходит единственно от дурного устройства оборонительных их верков, возведенных с совершенным пренебрежением всех правил инженерного искусства» [21, 256].

Все перечисленные выше русские укрепления в дальнейшем были восстановлены, но они оставались до конца своего существования постоянной мишенью для горцев и не оправдали возложенных на них надежд. Офицер Генерального штаба Ф.Ф. Торнау писал о Черноморской береговой линии так: «...Укрепления малы, гарнизоны слабы, изнурены болезнями, едва в силах обороняться от горцев, которых не они, а которые их держат в постоянной блокаде» [22, 436]. Подтверждением слов Ф. Торнау служат и слова прапорщика Станислава Неминского, одного из находившихся в укреплении Николаевском во время нападения горцев: «Большая часть гарнизона заболела какою-то эпидемической болезнью. Солдат, могущих нести службу, было мало» [23, 286]. Изможденные болезнями составы гарнизонов не могли оказывать нужного отпора горцам, в большом количестве оса-

¹ После 1815 года на Кавказ было переведено немало участников Отечественной войны и европейских походов. Кроме того, Кавказский корпус пополнялся всякого рода «штрафованными» и ссыльными, участниками крестьянских, солдатских и иных выступлений. Так, на Кавказ, в эту «теплую Сибирь», были сосланы солдаты прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, расформированного после известных событий 1820 г. Затем, после 1826 г., началось отправление на Кавказ участников восстания декабристов. К примеру, в форте Лазарева, не выдержав условий жизни, умер от болезни поэт-декабрист А.И. Одоевский.

давшим укрепления, но они проявили огромную стойкость и мужество.

При этом надо помнить, что Кавказ являлся в то время наиболее частым местом ссылки как для провинившихся военных, так и для чиновников разного уровня. Все части Черноморской береговой линии состояли в основном «из разжалованных или, по крайней мере, не по своей воле прибывших на Кавказ»¹ [25, 209].

В самый разгар событий в Закубанье осложнилось положение дел и на левом фланге Кавказской линии, что было связано с усилившимся влиянием Шамиля и происходящими волнениями на Восточном Кавказе. В связи с возникшей необходимостью личного присутствия генерала П.Х. Граббе на левом фланге вся ответственность за сохранность и улучшение оборонительного состояния укреплений была возложена на начальника Черноморской береговой линии генерала Н.Н. Раевского.

В последние дни февраля 1840 г. П.Х. Граббе из Чечни предупредил Н.Н. Раевского о том, что Шамилю удалось укрепиться в Ахульго, откуда он обращался с призывами уже и ко всему населению Черкесии присоединиться к общему восстанию за веру, вовлекая их тем самым в свой

имамат. Однако Н.Н. Раевский, хорошо знавший религиозное состояние горцев, заверил командуемого войсками, что в Черкесии пока «религиозного фанатизма нечего опасаться» [26, 351].

И в последующие годы все усилия наибова Шамиля распространить среди горцев Северо-Западного Кавказа мюридизм и вовлечь их в имамат оказались безуспешными.

Таким образом, начало 40-х гг. XIX в. ознаменовалось для Российской империи существенными дипломатическими потерями и политическими уступками по восточному вопросу. Позиции, потерянные Россией в Турции и на Ближнем Востоке, были перехвачены западноевропейскими державами и в первую очередь Англией, которая давно и целенаправленно проводила в этом регионе свою экспансионистскую политику.

В условиях ослабления влияния России на Востоке активизируется вмешательство англичан, которые теперь уже используют свой старый опробованный и излюбленный метод «загребания жара» чужими руками. В итоге на Северо-Западном Кавказе происходит усиление и сплочение антироссийских сил. Баланс сил изменился настолько, что Россия вынуждена была принимать дополнительные меры военного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. **АКАК-Акты**, собранные кавказской археографической комиссией. Архив Главного Управления Наместника Кавказского. Т. IX. Тифлис, 1884.
2. **Новичев А.Д.** История Турции // Новое время. Ч. II (1839-1853 гг.). – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. .
3. **Маркова О.П.** Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. – М.: Изд-во Института истории СССР АН СССР, 1953. № 42.
4. **Маркс К. и Энгельс Ф.** Сочинения. – М.: АПН РСФСР, 1957. Т. IX.
5. **Георгиев В.А.** Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. – М.: Издательство Московского университета, 1975 г.
6. **Татищев С.С.** Внешняя политика императора Николая I. – СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1887.
7. **Шамиль** – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов // Сборник документальных материалов. Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, сектор политической литературы, 1953.
8. **АКАК.** Архив Главного Управления Наместника Кавказского. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 765.
9. **Торнау Ф.Ф.** Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик: Эль-Фа, 1999.
10. **Щербина Ф.А.** История кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, Госархив Краснодарского края, 1913.
11. **Дзидзария Г.А. Ф.Ф.** Торнау и его кавказские материалы XIX в. – М.: Наука, 1976.
12. **Филипсон Г.И.** Воспоминания. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1885.
13. **Архив Раевских.** Т. 3. СПб., 1910 г.

